

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2016

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Т. Г. Иванова. Песня «Осада Соловецкого монастыря» и исторические песни XVII века (к вопросу об образе царя Алексея Михайловича)	5
В. Е. Багно, Т. В. Мисникевич. Уроки французского (неизвестные переводы Федора Сологуба и становление русского декадентства)	23

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

С. М. Шумило. Молитвенные тексты в агиографии «плетения словес»: к проблеме стиля эпохи	42
С. А. Фомичев. Повесть «Шинель» в контексте творчества Н. В. Гоголя	57
Н. А. Тарасова. Концепция героя в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: христианский аспект образа Раскольникова	64
О. Л. Фетисенко. Из босфорского table-talk 1874 года: М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии	80
С. А. Кибальник. Ранний А. П. Чехов «за» и «против» Ф. М. Достоевского (от «Драмы на охоте» к «Иванову»)	90
Л. Г. Панова. Запоздалая попытка петраризма: «Канционье» в русском модернизме. Статья 2	99
В. Б. Зусева-Озкан. Дева-воительница в литературе русского модернизма. Брадаманта у Л. Ариосто и Браманта у М. Кузмина	124
К. Ю. Лаппо-Данилевский. О третьем издании стихов Алкея и Сапфо в переводе Вяч. Иванова	134
Приложение. Вячеслав Иванов. «Неизвестные переводы из «Алкея и Сафо»	157
Е. А. Голлербах. Федор Сологуб и «Отечество» З. И. Гржебина	159
Ким Джун Сок (Республика Корея). Культурные парадигмы в поэтике М. М. Зощенко . .	176
П. Ф. Успенский. «Россия счастие. Россия свет...» Г. В. Иванова и наследие Ф. М. Достоевского	181
М. Ю. Михеев. Дело о «плагиате»: пьеса Александра Гладкова о кавалерист-девице . .	189

Н. А. Богомолов. Свидетельские показания (вечер Бориса Пастернака в Политехническом музее глазами современника)	213
М. Э. Маликова. Защита Филда, или Запоздалая рецензия на первую биографию Набокова	220

ЗАМЕТКИ

С. Н. Гуськов. Ультрамарин (об одном ошибочном прочтении автографа)	239
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О. Е. Осовский. «Свободная стихия» пушкинских смыслов	241
А. Ю. Соловьев, В. В. Филичева. Современники об акмеизме	242
Р. Ю. Данилевский. Новая книга о «русском Берлине»	245

ХРОНИКА

Е. И. Колесникова. Международная научная конференция «Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы»	247
А. С. Силина. Международная научная конференция «Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX века»	255
Н. П. Генералова, В. А. Лукина. Международная научная конференция, посвященная 195-летию со дня рождения А. А. Фета	259

**Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН**

Редакционный совет:

**Н. А. БОГОМОЛОВ, С. Г. БОЧАРОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНАЯ, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
Б. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН**

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

**М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ,
М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
Т. С. ЦАРЬКОВА**

**Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru**

RUSSKAYA LITERATURA

№ 1

Historical and Literary Studies

2016

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
T. G. Ivanova. <i>Siege of Solovetsky Monastery</i> Song and the Historic Songs of the 17 th Century (Treatment of the Image of Tsar Alexey Mikhailovich)	5
V. E. Bagno, T. V. Misnikevich. French Lessons (Unknown Translations by Fyodor Sologub and the Emergence of the Russian Decadence)	23

RELEASES AND REPORTS

S. M. Shumilo. Prayer Texts in the Hagiographic «Weaving of the Words»: Towards the Problem of the Style of the Period	42
S. A. Fomichev. <i>The Overcoat</i> Within the Context of Gogol's Literary Career	57
N. A. Tarasova. The Concept of a Protagonist in F. M. Dostoyevsky's <i>Crime and Punishment</i> : the Christian Aspect of Raskolnikov	64
O. L. Fetisenko. Bosphorus Table Talk, 1874: M. A. Khitrovo and His Unpublished Epigram on the Proselyte of Transcendental Philosophy	80
S. A. Kibalnik. Young Chekhov, Pro and Contra F. M. Dostoyevsky (from <i>A Hunting Drama to Ivanov</i>)	90
L. G. Panova. A Belated Attempt of Petrarchism: <i>Canzoniere</i> in the Russian Modernism. Article 2	99
V. B. Zuseva-Ozkan. Female Knight in Russian Modernist Literature. L. Ariosto's Bradamante and M. Kuzmin's Bramanta	124
K. Y. Lappo-Danilevsky. On the Third Edition of Alcaeus and Sappho Poems in Vyach. Ivanov's Translations	134
Appendix. Vyacheslav Ivanov. Unknown Translations from <i>Alcaeus and Sappho</i>	157
Y. A. Gollerbah. Fyodor Sologub and Z. I. Grzhebin's <i>Homeland</i>	159
Kim Jong Sok (Korea). Cultural Paradigms in M. M. Zoshchenko's Poetics	176
P. F. Uspensky. <i>Russia is Happiness. Russia is Light...</i> G. V. Ivanova and the Legacy of F. M. Dostoyevsky	181
M. Y. Miheev. The Case of «Plagiarism»: Alexander Gladkov's Drama on Cavalry Maiden .	189

N. A. Bogomolov. Oral Evidence (A Boris Pasternak's Reading at the Polytechnic Museum Through the Eyes of a Witness)	213
M. E. Malikova. Field's Defense, or a Belated Review of the First Biography of Nabokov	220

NOTES

S. N. Guskov. Ultramarine (On an Erroneous Interpretation of an Autograph)	239
---	-----

REVIEWS

O. E. Osovsky. The «Welter» of Pushkin's Meanings	241
A. Y. Solov'yev, V. V. Filicheva. Contemporaries on Akmeism	242
R. Y. Danilevsky. A New Book on «Russian Berlin»	245

NEWSREEL

E. I. Kolesnikova. <i>Encaptured Victory: Key Images, Concepts, Ideologemes</i> International Research Conference	247
A. S. Silina. <i>Neo Latin Humanistic Tradition and Russian Literature of the Late 17th — Early 19th Century</i> International Research Conference	255
N. P. Generalova, V. A. Lukina. International Research Conference Dedicated to A. A. Fet's 195th Anniversary	259

Published under the Auspices of History and Philology Department
Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

*S. G. BOCHAROV, N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO,
Vyach. Vs. IVANOV, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT,
V. SCHMIDT, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN,
WENFEI LIU, A. A. ZALIZNIAK*

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

I. F. DANIOVA (Deputy Editor-in-Chief), *A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY,
A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV,
M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV,
T. S. TSARKOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN*

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© К. Ю. Лаппо-Данилевский

О ТРЕТЬЕМ ИЗДАНИИ СТИХОВ АЛКЕЯ И САПФО В ПЕРЕВОДЕ ВЯЧ. ИВАНОВА*

Выход в 1914 году из печати «Алкей и Сафо» в переводе Вячеслава Иванова заслуженно расценивается исследователями и как важная веха его творческого пути, и как значительное событие в истории переводческого искусства в России.¹ Вместе с тем, в научной литературе последнего времени можно указать лишь на один случай, когда была сделана попытка более-менее полно охарактеризовать значение этой книги, хотя и несколько однобоко — и только в отношении к стихам Сапфо. Так, Д. Л. Бургин видит в переводе Иванова прежде всего реконструкторские кунштюки и филологические упражнения по вторжению в подлинник, в результате которых произведения Сапфо утратили и грацию, и свой естественный облик.² При этом американская исследовательница далека от того, чтобы отрицать влияние ивановских переложений (а тем самым и их художественную действенность) на одну из своих любимых героинь — Софию Парнок.³ Ранее указывалось на их релевантность для оригинального творчества столь крупной фигуры Серебряного века, как Осип Мандельштам, в связи с чем затрагивались и непосредственные отклики на «Алкей и Сафо».⁴

* Данная публикация продолжает темы статей, посвященных переводам Вяч. Иванова из древних авторов на страницах журнала «Русская литература»: «О преподавании Вячеслава Иванова на курсах Н. П. Раева» (2011. № 4. С. 66—79), «Римские поэты в трактате Данте „Монархия“: неизвестные переводы Вячеслава Иванова» (2013. № 2. С. 173—179), «Переводы Вяч. Иванова, предназначавшиеся для антологии „Греческие лирики в русских стихотворных переводах“ Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера» (2014. № 1. С. 178—205). Выражаю сердечную признательность А. С. Александрову, Н. А. Богомолову, М. Вахтелью, П. В. Дмитриеву, С. А. Завьялову, Г. В. Обатину, А. Г. Тимофееву и Д. О. Торшилову за высказанные соображения и уточнения.

¹ Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размежерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М., 1914 (в тексте статьи цитируется как *AC₁* с указанием страниц). В следующем, 1915 году поэт выпустил второе издание книги, дополнив ее делом «Новые песни и лирические отрывки Алкея и Сафо, по текстам оксириинских папирусов, обнародованным во время печатания книги»: Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размежерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М., 1914 [1915] (в тексте статьи цитируется как *AC₂*). О влиянии этой книги на русскую переводческую традицию в XX веке см.: Завьялов С. А. Вячеслав Иванов — переводчик греческой лирики // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. С. 163—184.

² Ср.: «In translating the new, expanded, but ever-fragmentary Sappho of the *fin de siècle* into „authentic“ Russian poetry, Ivanov tried manfully to fill the emptiness in the corpus of the Tenth Muse. Rather than overwhelm Sappho’s real, graceful, little body with extravagant, provocative clothes as his nineteenth-century fathers had done, Ivanov attempted to get inside the „bodies“ of Sappho’s fragmentary poems and perform a kind of reconstructive surgery by inserting artificial (dead) implants. (...) Ivanov succeeded in filling Sappho’s poems out, but in the process of reconstruction, the original lines often lost their reality and their grace» («При переводе новой, расширенной, но все же фрагментарной Сапфо *fin de siècle* в духе „настоящей“ русской поэзии, Иванов предпринял смелую попытку заполнить пустоты в корпусе произведений Десятой Музы. Вместо того чтобы облачать подлинное, грациозное и крохотное тело Сапфо в вычурные и вызывающие одежды, как делали его предшественники в XIX веке, Иванов попытался проникнуть внутрь поэтических отрывков Сапфо и осуществить некую восстановительную операцию, вводя искусственные имплантанты. (...) Иванов преуспел в заполнении стихотворений Сапфо, но в процессе реконструкции строки оригинала зачастую утрачивали свою подлинную сущность и изящество»). См.: Burgin D. L. The Deconstruction of Sappho Stoltz: Some Russian Abuses and Uses of the Tenth Muse // Engendering Slavic literatures. 1996. P. 25.

³ Бургин Д. Л. София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо. СПб., 1999. С. 154 и далее. Именно чтение Сапфо в переводе Вяч. Иванова в феврале 1915 года стало импульсом к написанию первых стихов Парнок, обращенных к Цветаевой.

⁴ См.: Тарановский К. Ф. Пчелы и осы в поэзии Мандельштама. К вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама // To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday 11 October 1966. The Hague; Paris, 1967. Vol. 3. P. 1973—1995; Левин-

В данной статье хотелось бы обратить внимание на рецепцию первого и второго издания «Алкея и Сафо» современниками поэта — литераторами и учеными, а также соотнести их высказывания с материалами третьего, неосуществленного издания книги Вяч. Иванова, и тем самым выяснить, какие из отзывов поэтом были учтены. Это тем более имеет смысл, ибо уже первыми рецензентами «Алкея и Сафо» с разных позиций были рассмотрены художественные достоинства книги и намечены подходы к пониманию переводческого метода Вячеслава Иванова.⁵ Но прежде чем перейти к анализу этих отзывов, хотелось бы коснуться предыстории возникновения этого замечательного издания.

Мысли о том, как переводить древние логаэдические размеры, серьезно занимали Вяч. Иванова уже во второй половине 1890-х годов. Крупнейшей художественной манифестацией в этом роде стал перевод Первой Пифийской оды Пиндара, опубликованный в 1899 году.⁶ Несколько оригинальных стихотворений в первой, дебютной книге стихов «Кормчие Звезды» написаны строфами, названия которым дали как раз те два эолийских поэта, к творчеству которых Иванов позже обратился как переводчик.⁷ Так, в стихотворениях «Сафо» и «К Фантазии» находим сапфическую строфию, а в «Пэстумском храме», «Молитве Камилла» и в «Довольно!» — алкееву.⁸ Процитирую первый катрен стихотворения «Сафо», посвященного Вл. Соловьеву:

Дев Кастальских дар — золотые струны
Стройте без меня, лесбиянки-девы,
И венчайте пир: я с кудрей слагаю
Тяжкие розы!⁹

В стихотворениях «Сафо» и «К Фантазии» (и данная цитата хороший тому пример) Вяч. Иванов ориентируется на более поздний, «латинский» вариант сапфического одиннадцатисложника с постоянной цезурой после пятого слога, утвердившийся в поэзии Горация (ни у самой Сапфо, ни у Катулла ее еще нет). Впослед-

тон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии...» Мандельштама: Материалы к анализу // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 2. С. 123—170; № 3. С. 201—237.

⁵ В связи с последним аспектом можно упомянуть лишь статью: Завьялов С. А. Вячеслав Иванов в работе над греческими папирусами // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 354—370.

⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. 324. Авг. С. 49—56 (4-я паг.). Далее — ЖМНП. См. подробнее: Завьялов С. А., Лаппо-Данилевский К. Ю. К истории текста Первой Пифийской оды в переводе Вячеслава Иванова // Musenalmanach. В честь 80-летия Р. Ю. Данилевского. СПб., 2013. С. 86—105.

⁷ Обращение к античной метрике в «Кормчих Звездах» было отмечено еще А. А. Блоком: «Вдохновение Вяч. Иванова параллельно теории. Он пробует голоса забытых размеров, способных вызвать звучать. И здесь мы снова видим его бродящим по священной Элладе. В „Кормчих звездах“ несколько стихотворений подчинено размерам Алкея и Сафо» (Блок А. Творчество Вячеслава Иванова // Вопросы жизни. 1905. Апр.—май. С. 2006).

⁸ Заслуживает внимания и следующая изящная логаэдическая строфа в стихотворении «Земля» из «Кормчих Звезд», метрический узор которой, видимо, был изобретен самим Ивановым. Она состоит из чередующихся одиннадцати- и восьмисложников. Первые состоят из двух хориямбов и катаlectической ямбической диподии; вторые — из одного хориямба и полной ямбической диподии (цитирую первую строфию):

Братья! уйдем в сумрак дубрав священный,
На берега пустынных волн!
Чадам богов посох изгнанья легок —
Древней любви расцветший тирс!
(Иванов Вяч. Кормчие Звезды.
СПб., 1903. С. 67)

⁹ Иванов Вяч. Кормчие Звезды. С. 129.

ствии, переводя Сапфо, Вяч. Иванов по понятным причинам возвращается к сапфическому стилю в его исконном, беспезурном виде.¹⁰

Предыстория переводов Вяч. Иванова из Алкея и Сапфо такова: в 1910—1912 годах в связи с преподаванием на курсах Н. П. Раева он в новом качестве обратился к античной поэзии, набрасывая переводы ряда стихотворений — главным образом при подготовке к занятиям. Через некоторое время, благодаря В. О. Ниландеру, готовившему собрание древнегреческой лирики, Иванов оказался вовлечен в орбиту деятельности издательства Сабашниковых.¹¹ Участие в антологии Ниландера перерастает в самостоятельный проект перевода Ивановым поэтического наследия Алкея и Сапфо, губительный для масштабного собрания античной лирики на русском языке, планировавшегося изначально. В этом, по-видимому, одна из причин охлаждения, которое можно констатировать в отношениях Иванова и Ниландера в середине 1910-х годов.¹²

Работа над книгой «Алкей и Сафо» стала проектом во многом альтернативным антологии, собирающейся Ниландером и Ф. Е. Коршем. В ней Вяч. Иванов без оглядки на составителей мог реализовать свои новаторские принципы перевода древней поэзии. Этот труд вскоре увлек поэта, а со стороны М. В. Сабашникова Иванов встретил необходимую поддержку, позволившую ему в кратчайшие сроки осуществить данный замысел.

За несколько месяцев до выхода книги в свет Вяч. Иванов побывал в Петербурге, где 23 апреля 1914 года прочел не только доклад о поэзии Алкея и Сапфо, но и свои переводы из эолийских лириков в «Обществе поэтов».¹³

¹⁰ Написание истории сапфической строфы в русской поэзии как взаимообогащающего взаимодействия оригинальных и переводных текстов и уяснение значения сапфических строф Вяч. Иванова для литературы Серебряного века — дело будущего. В связи с этой проблематикой укажем, прежде всего, на следующие работы: *Дрейд Ч. Л. К вопросу о древнегреческих и латинских размерах в русской поэзии: эволюция сапфической строфы // Славянский стих. Стиховедение, лингвистика и поэтика: Материалы международной конференции, 19—23 июня 1995 г. М., 1996. С. 140—147; Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII — нач. XX вв. СПб., 2003. С. 302—317, 341—387 (главы «Сафо в восприятии русских поэтов „серебряного“ века» и «Библиографический указатель переводов и подражаний стихотворений и стихотворных отрывков Сафо»); Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 205—213, 352—354; Лотман М. Становление античных размеров в русском стихе: аспекты когнитивной метрики // Russian text (19th century) and antiquity / Ed. by K. Kroo and P. Togor. Budapest; Tartu, 2008. Р. 24—53; Корчагин К. М. Цензура в русском стихе XVIII — первой четверти XX века. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. С. 195—199 и далее (глава «Строчные логазды античного типа»); Орлицкий Ю. Б. Сапфическая строфа как способ презентации образа Сафо в русской литературе Серебряного века // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. М., 2015. С. 32—53.*

¹¹ См. подробнее: *Котрелев Н. В. Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых: (Переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. науч. трудов. М., 1990. С. 127—150. О переводах из Эсхила, заказанных М. В. Сабашниковым Вяч. Иванову см.: Ермакова Л. Л. Трагедия Эсхила в переводе Вяч. Иванова: эдиционные проблемы // Русская литература. 2015. № 2. С. 212—230.*

¹² История взаимоотношений Вяч. Иванова с Ниландером подробно освещена в статье: *Лаппо-Данилевский К. Ю. Переводы Вяч. Иванова, предназначавшиеся для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Ниландера // Русская литература. 2014. № 1. С. 178—205.*

¹³ В программе «Общества поэтов» выступление было заявлено следующим образом: «1914. 23 января. Доклад Вяч. Иванова об Алкее и Сафо с чтением переводов сохранившихся от них стихотворений и отрывков (...) Чтение стихотворений Вячеслава Иванова» (Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 212—213; спр.: Блок А. А. Записные книжки. 1901—1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965. С. 203). После выступления состоялся обед у Н. В. Недоброво (см.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). М.; Торино, 1996. С. 661). С некоторым запозданием это событие было освещено в печати: «Недавно, проездом из Москвы, Вячеслав Иванов, кроме своей официальной публичной лекции об „искусстве“ сделал доклад в „Обществе поэтов“, так называемой „Физе“. (...) В этом обществе Вяч. Иванов прочел доклад об Алкее и Сапфо и читал сохранившиеся от них стихи в своих бе-

Первое издание книги вышло из печати в июне 1914 года¹⁴ и сразу привлекло внимание и ученых, и литераторов; в том же году в периодике было опубликовано три отзыва.¹⁵

М. А. Кузмин и В. Ф. Ходасевич, представители литературного цеха, в своих весьма кратких отзывах рассматривали «Алкея и Сафу» как событие современной им литературы и как еще одну манифестацию архаизирующей поэтики Вяч. Иванова. Когда Кузмин учился в гимназии, греческий язык еще входил в программу обязательного обучения (он родился на четырнадцать лет раньше, чем Ходасевич). Но ни Кузмин, ни Ходасевич переложения Иванова с оригиналами не соотносят. Их похвалы собственно переводу звучат поэтому весьма обобщенно; они основаны, скорее, на утвердившейся репутации Вяч. Иванова как знатока античности, чем на анализе его конкретных переводческих решений.

Это особенно заметно в начальных строках рецензии Ходасевича, где отдается должное художественному успеху Вяч. Иванова: «Перевод Вячеслава Иванова равно обрадует как специалистов-филологов, так и просто любителей поэзии. Первым дает он перевод всего, что в наследии обоих поэтов доступно переложению по состоянию фрагментов, вторым — целый ряд истинно поэтических произведений. Созданные на основании авторитетных текстов, размерами, близко передающими подлинные греческие размеры, переводы Вячеслава Иванова наряду с точностью блещут самостоятельными художественными красотами».¹⁶

Структура книги не находит у Ходасевича понимания — отдавая должное «удавшимся поэту опытам реставрации некоторых стихотворений, дошедших до нас в слишком кратких фрагментах», он полагает, что «их правильнее было бы отнести к примечаниям, а в основном тексте поместить лишь перевод соответствующих отрывков».

Наиболее серьезный упрек Ходасевича — «руссификация подлинника в духе народной русской поэзии»: «Такие выражения, как: „Аль кого другого?“, „У меня ли девочка есть“, „Пир горой“, „Свадебку мы сыграли“, вообще неприятно встречать в переводах, особенно — с греческого».¹⁷ Все же в заключение своего отзыва Ходасевич признает книгу «в общем прекрасной».

Импрессионистический отзыв Кузмина — любопытный эпизод в истории многолетних сближений и взаимоотталкиваний двух поэтов. Кузмин, по-видимому, не обращался к оригиналам Алкея и Сапфо, что, скорее всего, и предопределило отсутствие сколько-нибудь внятного обсуждения стиховедческой проблематики в его отзыве; факт, конечно, весьма примечательный, если учесть версификационную искушенность этого поэта. Отдавая должное «благородному и крепкому стилю» и «подлинному духу античности», восхищаясь «простонародною нежностью некоторых песенок Сафо», Кузмин никак не развивает этих замечаний.

При этом Кузмин склонен рассматривать язык переводов из Алкея и Сапфо прежде всего как зрелую манифестацию идиолекта Вяч. Иванова, «теперь соеди-

зокориженных и певучих переводах. (...) Заключил он вечер чтением своих стихов» (Т. Ш. [Шенфельд Т.] Письма из Петербурга. II // Музы (Киев). 1914. 15 фев. № 4. С. 9).

¹⁴ В «Книжной летописи» первое издание «Алкея и Сафо» значится в «Перечне книг, поступивших с 19-го по 26 июня 1914»; цена книги составляла 1 р. 25 к., а тираж — 2000 экземпляров (Книжная летопись. 1914. 28 июня. № 25. С. 1). Второе издание «Алкея и Сафо» указано в «Перечне книг, поступивших с 28-го апреля по 12 мая 1915» с ценой в 1 р. 25 к. и тиражом в 1400 экземпляров (Книжная летопись. 1915. 16 мая. № 19. С. 1).

¹⁵ Ходасевич В. Ф. [Рец. на кн.:] Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1914 // Русские ведомости. 1914. 25 июня. № 145. С. 5; Кузмин М. // Петроградские вечера. Пг., [1914]. Кн. 3. С. 234—235; Диль Э. Эолийские лирики в переводе Вячеслава Иванова // Гермес. 1914. № 19 (145). С. 460—463.

¹⁶ Русские ведомости. 1914. 25 июня. № 145. С. 5. Недавно repубликовано в кн.: Ходасевич В. Собр. соч.: В 8 т. М., 2010. Т. 2. С. 166—167.

¹⁷ Там же.

нившего былую крепость „Кормчих звезд” с таинственною нежностью, почти простою „Нежной тайны”, — со всеми сильными и слабыми сторонами его стиля.

Насмешку Кузмина вызывает выражение «щекот славий» в гимне Аполлону, открывающем книгу (этот текст Алкея был «воссоздан» Вяч. Ивановым на основании его пересказа Гимерием и одного сохранившегося стиха¹⁸):

Бежит по лирам трепет. И сладостней
Зарю встречает щекот славий.¹⁹

Отмечу, что редкое словечко «щекот» (также в его архаизированном написании «щокот») со значением «стрекотание, пение» находим у Даля; «славий» — словянин. Само же словосочетание отсылает нас к месту в «Слове о полку Игореве», где описывается наступление утра: «Щекотъ славій успе, говоръ галичъ убудися» (источник цитаты неоднократно указывался в научной литературе). Думается, Кузмин не распознал эту аллюзию, ибо тогда бы он обрушился не на «неудобоваримое» с его точки зрения выражение, а на сам прием анахронистического словаупотребления у Вяч. Иванова.

Подобно Ходасевичу, Кузмин оказывается нечувствителен к актуализованной в «Алкее и Сафо» поэтике фрагмента, он возражает против включения отрывков в основной корпус книги: «Исследователь прочтет их в надлежащем месте, а любитель будет только недоумевать». По его мнению, «отрывков можно было бы и не давать».²⁰ Конечно, учитывая то, что лирическое наследие Сапфо дошло до нас в отрывках и фрагментах (больших или меньших по объему) и что законченность ряда ее текстов, возможно, мнимая, с этим предложением нелегко согласиться.

В отзыве Кузмина чувствуется крайнее раздражение тем, что Вяч. Иванов якобы проигнорировал гомоэротическую ауру, сопутствовавшую в течение столетий имени Сапфо.²¹ Его возмущает способность увидеть в Сапфо «буржуазную матерь», «институтскую „синявку“ или женщину-профессора», а также стремлениевольно или невольно «поколебать поэтическую легенду». Был ли справедлив этот упрек Кузмина? Скорее нет, чем да. Чтобы убедиться в этом, обратимся к пассажу в предисловии Вяч. Иванова к «Алкею и Сафо», который он имеет в виду: «Как настоятельница девичьей религиозной общины и вместе глава художественной школы, Сафо должна была одновременно развивать воспитательную и академическую деятельность. В ее институт-„монастырь“ для благородных девиц присыпались богатые девушки из разных мест колониальной и островной Греции. Приобретя в этом высшем учебном заведении утонченное образование, усовершенствовавшись в

¹⁸ Это отмечено Ивановым в примечаниях: «Алкеев дельфийский „пэан“ (действительно ли тожественный с первым гимном или нет — решить трудно) дошел до нас в прозаическом пересказе Гимерия (Himer. ог. XIV, 10). Итак, наше переложение этой парафразы размером, определяемым сохранившимся строкой гимна, — не перевод в собственном смысле, но опыт условной реставрации утраченного подлинника» (AC₂. С. 239).

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ Петроградские вечера. Кн. 3. С. 235.

²¹ Сходной была реакция П. С. Соловьевой, высказанная в частном письме: «...видели Вы „Алкея и Сафо“ в переводе Вяч. Иванова и со вступительным очерком его же? Это великолепно! Вячеслав реабилитирует Сафо!!! (...) Он говорит, что Сафо была верною супругой какого-то богача и добродетельной матерью белокурой девочки. Зачем же, спрашивается, было ей в таком случае воспевать любовь к женщинам да так воспевать, что 20 столетий люди дивились ее гению и никому не пришло в голову осуждать ее за порочность. Впервые это пришло в лосняющуюся, розоволосую дьявольскую голову Вячеслава. От негодования я просто могу лопнуть! Вячеслав оправдывающий Сафо! Как бы плонула ему в лицо Лидия, его умершая жена, если бы она была на земле. Теперь, она, конечно, все поняла и все простила. Но я еще здесь и плюю духовно в лосняющуюся физиономию!» (Соловьева П. С. Письмо к А. М. Калмыковой от 30 июня / 13 июля 1914 года // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. № 126. Л. 28 об., 29 об. Цит. по: Обатинин Г. В. Записки комментатора // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 294; Вяч. Иванов. Неизданное и несобранное — 3. См.: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/144677.html> (дата обращения: 20.10.2015)).

музыке и поэзии, они возвращались в семью или выходили замуж. Время прохождения курса искусств делилось между отправлением культа общины, музыкальными и поэтическими занятиями, домашними забавами и увеселениями, часто принимавшими вид интимных пиршеств, и появлением в светском обществе, особенно на религиозных празднествах и свадебных торжествах, где фиас выступал исполнителем слагаемых им на случай религиозных гимнов и обрядовых песен. Усвоение изящных манер было одною из задач школы, — недаром на Лебосе устраивались состязания женщин в красоте, — обычаем же ее — отчасти условный, а порою и глубоко подлинный эротизм, соединявший содружество крепкою связью сентиментальной привязанности и, по-видимому, казавшийся плодотворным для разработки художественных форм того обособленного рода лирики, которому посвящала себя эта академия Муз и Афродиты» (AC₁. С. 23—24).

Да, на первый взгляд, Вяч. Иванов ведет речь об античном «институте „монастыре“ для благородных девиц», выпускницам которого была суждена будущность добродетельных матерей. Но одновременно, если быть более внимательным, становится явным, что он говорит о мистике, овеявшей это религиозное сообщество,²² о том, что перед исполнением семейных обязанностей девушкам из благородных семей было даровано краткое время упоения «музыкальными и поэтическими занятиями», период «интимных пиршеств», «сентиментальных привязанностей», «глубоко подлинного эротизма», служения Музам и Афродите. Несомненно, Иванов в процитированном абзаце отнюдь не замалчивал гомоэротический характер отношений, возникавших или даже доминировавших в этой общине, а как раз намекал на него.²³ Если же обратиться к ивановским переводам из Сапфо и соотнести их с оригиналами, то порой явственным будет даже некоторое сгущение гомоэротических намеков.

Заключительные строки рецензии весьма амбивалентны. Кузмин сетует, что «только на очень внимательный глаз заметна разница между Алкеем и Сафо, разница так тонко отмеченная в предисловии переводчиком». Книга для него, в первую очередь явление литературы начала XX века, еще одно свершение Иванова-поэта, результат современного, глубоко индивидуального, и, со всей очевидностью, довольно произвольного прочтения древних текстов.

Заслуживает упоминания и комплиментарный стихотворный отклик на «Алкея и Сафо», долгое время остававшийся в рукописи. Это стихотворение Ю. Н. Верховского «Вячеславу» («О, вожатый мой, за тобою следом...»; написано 19 июля 1914 года), состоящее из двух сапфических строф.²⁴ Недавно опубликованный набросок записи Вяч. Иванова Верховскому, убедительно датированный промежутком между 11 и 26 ноября 1914 года, содержит отклик на это стихотворение и, что весьма важно, указание на неприятие какими-то, достаточно, по-видимому, многочисленными оппонентами, логаздической передачи древних метров:

²² Д. Л. Бургин полагает, что в этом пункте Вяч. Иванов повторяет «теорию Виламовица», сформулированную немецким ученым в книге о Сапфо и Симониде (1913). См.: Бургин Д. Л. София Париж. Жизнь и творчество русской Сафо. С. 231.

²³ Этот аспект в дореволюционной России отнюдь не замалчивался, как о том можно заключить, например, по «Энциклопедическому словарю» Брокгауза и Ефрана: «Лесбийская любовь — форма извращения полового чувства, неестественное влечение женщины к женщине. Получила название от ос-ва Лесбоса; в древней Греции вообще была довольно распространена. По преданию, Л. любовью страдала Сафо» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрана. СПб., 1896. Т. XVIIА (34). С. 590). При переиздании переработанной версии этого справочника почти двадцать лет спустя статья приобрела следующий вид: «Лесбийская любовь — форма извращения полового чувства, неестественное влечение женщины к женщине же. Получила название от ос-ва Лесбоса; на котором будто бы она была распространена. О неправильности этого мнения см. Wilamowitz, „Sappho und Simonides“ (1913), стр. 70 сл.» (Новый энциклопедический словарь. [1915]. Т. 24. С. 411).

²⁴ Впервые опубликовано в статье: Лавров А. В. Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск; М., 2003. С. 219.

«Спасибо за твои стихи. Сафические строфы меня радуют — прямо как оправдание: вражда против „античных размеров” вокруг шипит и хотела²⁵ бы ужалить».²⁶

Под шипением Вяч. Иванов, скорее всего, имел в виду, помимо каких-то устных кривотолков, статью К. Э. Гриневича «*Versus Sapphicus*», опубликованную незадолго до того в журнале «Гермес».²⁷ Большинство авторов этого журнала отстаивало идею переводов античной поэзии силлабо-тоническими размерами. Собственно рецензией статья «*Versus Sapphicus*» не была, что подчеркнул сам Гриневич («Я пишу здесь не рецензию на переводы г. Вячеслава Иванова»). Куда важнее ему было изложить свои общие рассуждения о принципах переложения античных строф, которые, по его мнению, должны быть обязательно зарифмованы.

Лежашей у него на столе книге переводов Вяч. Иванова из Алкея и Сапфо Гриневич посвящает лишь следующий критический абзац: «Автор как будто нарочито забывает, что переводит он с греческого языка на русский. Забывает особенности этих двух языков и, не стесняясь их фонетической разницей, пересаживает без изменений на русский язык экзотическое растение».²⁸ Далее Гриневич перепечатал в статье стихотворение «Любовь» («Мнится мне: как боги, блажен и волен...»), перевод Вяч. Иванова из Сапфо; а вслед за ним — то же произведение Сапфо в силлабо-тоническом рифмованном переводе А. П. Рудакова, которому отдается Гриневичем предпочтение.²⁹

Первая рецензия из лагеря филологов-классиков была написана учеником Ф. Ф. Зелинского — Эрихом Васильевичем Дилем³⁰ (1890—1952), одним из организаторов описанной им памятной экскурсии в Грецию в 1910 году (в ней приняла участие и Вера Шварсалон).³¹

Свою рецензию Дильт начинает с утверждения о «крупном значении этого перевода для русской поэзии и, в частности, для классической филологии». Единство книги, по его мнению, выразилось и в ее структуре, и в том, что «индивидуальность эолийских лириков не исчезла», и в том, что «в каждом слове чувствуется индивидуальность переводчика».³² Со знанием дела Дильт анализирует несколько образцов «мастерской» передачи Ивановым античных метров — на примере знаменитого «нома Терпандра», VI отрывка Алкея, XIII отрывка Сапфо. Дильт отмечает лишь один случай «отступления от античной формы» — перевод в предисловии народной песенки о мельнице рифмованными стихами. Не соглашаясь изредка с переводом Иванова, Дильт ставит и куда более важный вопрос — о допустимости нео-

²⁵ Написано над зачеркнутым: *пытается*.

²⁶ Обатин Г. В. Из архивных разысканий о Вяч. Иванове // Русская литература. 2014. № 2. С. 269.

²⁷ Гриневич К. *Versus Sapphicus* (о переводах с античных языков) // Гермес. 1914. № 15/16. Окт. С. 420—428. Ср. также: Шольце С. «Возражение г. Гриневичу» (Там же. № 17/18. Нояб. С. 450—452). Константин Эдуардович Гриневич (1891—1970), позднее видный историк и археолог, в 1910—1915 годах был студентом историко-филологического факультета Харьковского университета. Судя по всему, он был лично знаком с Вяч. Ивановым, в архиве которого сохранилось три письма Гриневича из Петербурга и Харькова (РГБ. Ф. 109. Карт. 17. № 27). В письме от 10 мая 1912 года имеется акrostих Гриневича, посвященный Иванову.

²⁸ Гриневич К. *Versus Sapphicus* (о переводах с античных языков). С. 423—424.

²⁹ Впервые опубликован: Гермес. 1914. № 5. 1 марта. С. 162.

³⁰ Дильт окончил в 1913 году историко-филологический факультет Петербургского университета по отделению древних языков и был оставлен по кафедре классической филологии. В 1916—1917 годах был приват-доцентом Петроградского университета. С 1917-го по 1922-й год преподавал в Томском университете, с 1922-го работал в Латвийском университете в Риге (доцент; с 1939 года — профессор). В 1941 году начал преподавание в Познанском университете (с марта 1942-го по январь 1945-го — профессор). С декабря 1947 года преподавал в Йенском университете (с 1951-го профессор). См. подробнее: Moldt D. Erich Diehl — Lebensbild eines deutschen Altphilologen // Hyperboreus: Studia classica. 2004. Vol. 10. Fasc. 1/2. P. 161—170.

³¹ Дильт Э. В. Экскурсия в Грецию летом 1910 года под руководством профессора Ф. Ф. Зелинского. СПб., 1911. Дневник В. К. Шварсалон, который она вела во время этой поездки, сохранился: РГБ. Ф. 109. Карт. 47. № 30.

³² Гермес. 1914. № 5. 1 марта. С. 162.

говоренных конъектур, произвольного дополнения текста фрагментов, развития их образов и «воссоздания» лирических ситуаций по усмотрению переводчика. Этот путь Диль в целом не отвергает, хотя и вынужден констатировать неудачу Иванова при работе с LXXII фрагментом Сапфо — Иванову увиделось здесь описание пиршества, тогда как более поздняя папирусная находка дала понять, что речь шла о перечислении добычи, захваченной Гектором в Фивах. Через два года Диль откликнулся и на второе издание «Алкея и Сафо», дополненное Ивановым на основании тома оксириных папирусов (кстати, отрецензированных именно Дилем для журнала «Гермес»).³³

Викентий Викентьевич Вересаев чувствовал себя, скорее, соперником Вяч. Иванова, чем независимым экспертом. Свою рецензию он опубликовал в канун выхода из печати в 1915 году отдельными книжками собственных переводов из Архилоха и Сапфо. Пройдя сходный путь, он, как никто иной, осознавал возникавшие перед Ивановым сложности и мог оценить решения, которые были приняты его соперником. Он не скрывает своего восхищения версификационным мастерством Вяч. Иванова — его сапфические и асклепиадовы строфы Вересаев называет «безупречными»; как «изумительнейший стихотворный tour de force» оценивает передачу восходящих иоников.

При этом его неприятие вызывает стилистика перевода Вяч. Иванова, не имеющая аналогий в подлиннике: «Причудливая смесь торжественно-архаических, вновь сочиненных и простонародных слов и выражений составляет характерную особенность собственной поэзии Вячеслава Иванова, но никак не характерна ни для Алкея, ни для Сапфо. Их язык — обыкновенный, современный им разговорный язык, лишь с очень незначительными следами влияния эпической поэзии, с одной стороны, народной песни, — с другой. Читая переводы г. Иванова, всякий скажет: „сразу видно, что это — Вячеслав Иванов“. Было бы много лучше, если бы можно было сказать: „сразу видно, что это — Алкей и Сафо“».³⁴

Осуждает Вересаев и методы работы Иванова-переводчика, претендующего не только на передачу смыслов и метров, но одновременно и на толкование, и на филологическую критику. Понять это может лишь весьма искушенный читатель, которому нередко необходимо самому установить исходные отрывки стихов, догадаться, каким образом они были составлены и лишь затем обратиться к оценке перевода.

Почти одновременное обращение к лирике лесбосской поэтессы сразу двух русских переводчиков сделало возможным сравнительное сопоставление их свершений и подходов в рецензиях А. А. Захарова³⁵ и Э. Диля³⁶ на второе издание «Алкея и Сафо», опубликованных в авторитетных изданиях. Рецензия историка и археолога Алексея Алексеевича Захарова (1884—1937) поражает несозвучностью центральным устремлениям эпохи к передаче античных метров средствами русского языка, к поиску квалитативных эквивалентов для квантитативных размеров древности. Так, он солидаризируется с мнением К. Э. Гриневича, полагавшего, что при переводе можно вполне брать тот или иной силлабо-тонический размер, «который более бы передавал для русского читателя чувство, выраженное в греческом тексте».³⁷ Подобное, несколько комичное с современной точки зрения, освещение проблем семантики метра закономерно приводит Захарова к предпочтению силлабо-тонических рифмованных переводов Ф. Е. Корша из Сапфо всем другим.³⁸

³³ Диль Э. Новые литературные тексты в X томе папирусов из Оксиринха // Гермес. 1914. № 10. С. 292—296.

³⁴ Вестник Европы. 1915. Февраль. С. 390—391.

³⁵ Гермес. 1916. № 7—8 (173—174). С. 137—142.

³⁶ ЖМНП. 1916. Ч. 61. Февраль. С. 396—406.

³⁷ Захаров отсылает к статье Гриневича «Versus Sapphicu»; см. прим. 28.

³⁸ В связи со смертью Корша его переводы из Сапфо незадолго до того были republikovany в «Гермесе» (1915. № 8/9. С. 185—186). В эти годы в журнале неизменно печатались переводы из Сапфо, сделанные силлабо-тоническими размерами и большей частью рифмованные:

В рецензии 1916 года Диль, не изменяя общей высокой оценки переводов Вяч. Иванова из Алкея и Сапфо, еще более детально, с учетом последних научных публикаций, обращается ко второму, дополненному изданию книги. Словно следуя пушкинскому завету, он стремится судить поэта «по законам, им самим над собою признанным». Следующий пассаж в послесловии Иванова становится поэту для него определяющим: «Верховная цель поэтического перевода — создать музыкальный эквивалент подлинника. Таковым может быть только переложение; оно одно становится имманентным поэтической стихии языка, обогащаемого даром из чужеземных сокровищ. „Буква умерщвляет”; но жертвуя дословною близостью подстрочной передачи, перелагатель-поэт должен возместить ее верностью истолкования» (*AC₂*. С. 242). Подчеркивая «художественность» перевода Иванова и то, что «филологическая верность мыслим оригинал» — только средство к достижению этой цели», Диль констатирует успешность проекта в целом. Такие приемы, как «расширение» переводимого стихотворения за счет схолия к нему или введение комментирующих названий, он считает вполне правильными.

И все же Диль полагает, что в ряде случаев Ивановым неверно переданы именно мысли подлинника. Это побуждает его на протяжении трех страниц детально изложить претензии к столь высоко ценимому им переводчику. В чем же их суть?

В одах V и VIII Алкея Диль находит «резкости, которых в подлиннике нет» («буйная дурь ветров», «издох Мирсил»); для воссоздания оды X Иванов «не привлек новых папирусных отрывков» (то же указано далее в связи с одой XXVI); в оде XIII напрасно следовал Бергку, который составил ее из отрывков, цитированных Гефестионом и Аристотелем, несмотря на то что они написаны разными вариантами одного и того же Алкеева размера; «прекрасные стихи» оды XXIV — результат «развития» фрагмента в законченное целое, они имеют весьма отдаленное отношение к оригиналу; сентиментально-идиллическая стилистика неуместна в третьей строфе оды XXXV; в оде XXVII сзывающей смелостью добавлены стихи 4 и 5, в оде XXXIX — два последних стиха, в оде XLIII — первый и последний стихи; и проч.

Один из упреков Диля вызван повышенным пietетом перед Виламовицем. Дело в том, что стихотворение (В 39; также без всяких изменений: Н-С 43),³⁹ ставшее источником оды XVI «Лето», составлено в издании Бергка из двух текстов различного происхождения: в середину фрагмента Алкея из схолий Прокла к Гесиоду (*Procl. In Hes. Op. 584*) помещено несколько строк, почерпнутых из трактата Деметрия Фалерского об искусстве красноречия (*Demetr. Eloc. 142*). В переводе Вяч. Иванова эта интерполяция звучит следующим образом:

Не цикада — певец!
Ей нипочем
Этот палящий зной:

Гермес. 1914. № 1. С. 24 (К. Гриневича); 1914. № 6. С. 161—162 (А. Рудакова); 1914. № 10. С. 277—278 (О. Орловой). Замечу справедливости ради, что «Гермес» уделял внимание различным точкам зрения на проблему стихотворных переводов из античных литератур. Так, мнение, противоположное возвретиям Корша и его адептов, развивалось, например, в статье В. Я. Брюсова «О переводе „Энеиды“ русскими стихами» (1914. № 10. С. 259—267).

³⁹ Здесь и далее упоминания текстов, которымделено более пристальное внимание, сопровождаются библиографическими отсылками в круглых скобках. Используются следующие сокращения: Снель — Снель Б. Греческая метрика / Пер. Д. Торшилова. М., 1999; *Ap. Dysc. Pron.* — Apollonius Dyscolus (II в. н. э.). *De pronominibus*; *Ath.* — Athenaeus (кон. II—нач. III в. н. э.). *Deipnosophistae*; *B* — Poetae lyrici Graeci. Recensuit Theodoros Bergk. Editionis quartae. Lipsiae, 1882. Vol. 3: Poetas melicos continens; *Demetr. Eloc.* — Demetrios Phalereus (350—283 до н. э.). *De elocutione*; Н-С — Anthologia Lyrica. Post Th. Bergkium ed. Eduardus Hiller, em. O. Crusius. Lipsiae, 1897; *Heph.* — Hephaestion (II в. н. э.). *Enchiridion*; *Hsch.* — Hesychius (V в. н. э.). *Lexicon*; L-P — Poetarum Lesbiorum Fragmenta. Ed. E. Lobel et D. L. Page. Ed. 2. Oxford, 1963; *Procl. In Hes. Op.* — Proclus (412—485 н. э.). *Prolegomena et scholia in Hesiodei opera et dis;* *Stob.* — Joannes Stobaeus (V в. н. э.). *Anthologium*.

Все звенит, да звенит,
В чаще ветвей,
Стрекотом жестких крыл,

Все гремит, — а в лугах
Злою Звездой
Никнет сожженный цвет.

(AC₂. С. 56—57)

По мнению Виламовица, Деметрий в данном случае цитировал не Алкея, а Сапфу, что и побудило Диля сделать следующее критическое замечание: «Жаль, что Вяч. Иванов не принял исправления Виламовица, доказавшего с несомненностью, что Бергк вставил в 39 отрывок Алкея несколько строк Сапфу (v. 3 fin., 4, 5). Стrophы 3, 4 и 5 перевода Вяч. Иванова следовало бы поэтому отнести к отрывкам стихотворений Сапфо».⁴⁰ На мой взгляд, русский поэт не по недосмотру, но вполне сознательно выразил своим переводом несогласие с точкой зрения Виламовица, видимо, сочтя аргументы того недостаточно убедительными. Стоит упомянуть, что наиболее авторитетные современные исследователи склоняются к тому, что все стихи, объединенные Бергком в 39 фрагменте, принадлежат Алкею, хотя, по всей видимости, и почерпнуты из иного стихотворения (в новейших изданиях они помещаются рядом; см., например: L-P 347а и 347б).⁴¹

При анализе переводов из Сапфо Дильт и далее неоднократно упрекает Иванова за игнорирование интерпретаций Виламовица (имелись в виду лирические ситуации од I, V, XLVII), что, учитывая уже сказанное, было отнюдь не случайным небрежением или просмотром Иванова, но выражением несогласия, имплицитной полемикой с Виламовицем.⁴² Дильт и сам, без оглядки на авторитеты, неоднократно отвергает толкования Иванова — так было в связи с одами XIII, XLIII, LXXII, CVI. Он также указывает на релевантность папирусных находок для текста оды XLI и на произвольность подбора фрагментов при «составлении» оды XLIII. Не без язвительности отмечались ошибки: например, Дильт пишет в связи с одой I: «шкееς строύ9оι (т. е. «быстрые воробыи». — К. Л.-Д.) мы затрудняемся передать „стая голубок“». Единственный раз он критикует стилистическое решение, относя к неудавшимся стих «В царских, опричь, колымагах Приамовы дочери» (ода LXXIIa; в AC₂ вместо верного номера напечатано: LXXXa).

Сравнив переводы Вяч. Иванова и Вересаева, Дильт все же отдает пальму первенства Иванову; пространная рецензия завершается следующими выводами:

«Ценность перевода Вяч. Иванова заключается в его поэтическом совершенстве и его художественной цельности; единственный его недостаток — слишком субъективные дополнения, создающие нередко впечатление цельности и законченности там, где сохранились лишь обрывки.

Главное достоинство переводов Вересаева — их скромная документальность; недостаток переводов — отсутствие ряда отрывков, лишающее книги В. В. Вересаева права называться полными переводами всего наследия Архилоха и Сапфо».⁴³

⁴⁰ ЖМНП. 1916. Ч. 61. С. 399. Имелась в виду книга, которую Вяч. Иванов неоднократно цитировал в «Алкее и Сафо»: *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Sappho und Simonides: Untersuchungen über griechische Lyriker*. Berlin, 1913.

⁴¹ Об этих фрагментах Алкея, их издательской судьбе и переводе Вяч. Ивановым см. подробнее: Завьялов С. Вячеслав Иванов — переводчик греческой лирики С. 173—175.

⁴² Напомню, что свое критическое отношение к мировоззрению Виламовица (и, как следствие, к общим установкам его научной деятельности) Вяч. Иванов выразил позднее в статье «Гуманизм и религия», написанной по-немецки (*Iwanow W. Humanismus und Religion: Zum religionsgeschichtlichen Nachlass von Wilamowitz // Hochland*. 1934. Jahrgang 31. Н. 10. Juli. S. 307—330. Перевод: Иванов Вяч. Гуманизм и религия. О религиозно-историческом наследии Виламовица // Символ. 2008. № 53/54. С. 185—219).

⁴³ ЖМНП. 1916. Ч. 61. С. 406. Имелась в виду переводы В. Вересаева: *Архилох. Стихотворения и фрагменты* М., 1915; *Сапфо. Стихотворения и фрагменты*, 1915. Лакуны, о которых

Рассмотренные выше рецензии еще раз убеждают в том, что книга «Алкей и Сафо» стала одной из важнейших вех в переводческом освоении наследия античной поэзии в России начала XX столетия. Отклики современников позволяют прежде всего выявить спектр проблем, актуализированных новаторским подходом Вяч. Иванова: адекватность предложенных квадративных аналогов метрами оригиналов; состав предлагаемого широкому читателю корпуса; допустимость произвольного комбинирования фрагментов, интерпретаторских вторжений в древний текст, неоговоренных конъектур; уместность русификации языка перевода; возможность игнорирования легендарной ауры, сопутствующей имени переводимого автора. Implicite был затронут и столь важный вопрос, как допущение в перевод новых интертекстуальных ассоциаций, заведомо отсутствующих в оригинале, посредством введения в его текст цитат из золотого фонда русской классики («щекот славий» из «Слова о полку Игореве», пушкинская «буйная дурь»). Приведенные выше критические замечания, в их совокупности, позволяют определить своеобразие художественного свершения Вяч. Иванова — это прочувствованное, но порой и весьма своеобразное прочтение стихов эолийских поэтов, запечатленное в метрических аналогах иного по природе языка в иную эпоху, требующее высокой читательской компетентности для его полноценного восприятия.

Рассмотренные выше критические отзывы о переводческой манере Вяч. Иванова весьма существенны в связи с главной темой данной статьи, а именно: анализ сохранившихся материалов третьего издания «Алкея и Сафо». О том, что они сохранились в фонде М. В. Сабашникова в Российской государственной библиотеке, в исследовательской литературе сообщалось неоднократно.⁴⁴ Обратимся наконец к ним и мы.

В рабочей картотеке издательства имеется следующая информация о рукописи третьего издания «Алкея и Сафо»:

«Алкей и Сафо».

Собрание песен и лирических отрывков.

Перевод В. Иванова, пересмотренный для 3го издания 1919 г.

Вступительная статья 27 стр.

Текст: Алкей — 69 стр.

Сафо — 138 стр.

Указатель и примечания. Гранки, оттиски 6/XI—1913 г.

В настоящий момент подготовительные материалы третьего издания «Алкея и Сафо» в переводе Вяч. Иванова хранятся в двух делах фонда М. В. Сабашникова.

Первое из них (РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4) содержит расплетенный экземпляр второго издания «Алкея и Сафо» (1914; в действительности: 1915) с многочисленными пометами. Это и дополнения к вступительной статье, и корректизы ранее опубликованных переводов, и вписанные новые переводы, и пометы, связанные с изменением последовательности стихотворений, а также полностью переделанный

писал Диль, были во многом заполнены при переиздании переводов Вересаева в 1929 году в составе десятого тома собрания его сочинений. Благополучная судьба писателя в новых условиях привела к тому, что его переводы охотно и многократно тиражировались в СССР и потому в итоге оказались несопоставимо более известными, чем переводы Вяч. Иванова.

⁴⁴ Укажу, прежде всего, на характеристику неопубликованных переводов Вяч. Иванова в первом подробном обзоре сабашниковского фонда, сделавшем наглядным обилие неосуществленных замыслов замечательного издательства: Панина А. Л. Архив издательства М. и С. Сабашниковых // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 110.

⁴⁵ РГБ. Ф. 261. Карт. 24. № 1. Л. 3. На обороте карточки отмечено нахождение рукописи в 1921—1929 годах в различных хранилищах издательства. В ее верхнем правом углу сделана помета о времени передачи Вяч. Ивановым подготовленных материалов издательству: «Рукопись поступила 20/V 1919». Копия этой карточки находится во втором из архивных дел, содержащем материалы третьего издания «Алкея и Сафо» (РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 1).

«Указатель текстов», содержащий ссылки к критическим изданиям греческих текстов в соответствии с новой последовательностью стихотворений.⁴⁶

Вторая единица хранения (РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 5) более сложна по своему составу. Во-первых, здесь находятся гранки стихов Алкея и Сафы в переводе Вяч. Иванова, но это не гранки первого издания книги, как полагает А. Л. Панина: «Имеется и экземпляр гранок первого издания 1913 г., в которых набрано 14 из 51 стихотворения Алкея и 85 из 111 стихотворений Сафы».⁴⁷ По-видимому, набор первого издания книги и приложения к нему были утрачены в послереволюционные годы,⁴⁸ именно поэтому Вяч. Иванову пришлось обратиться к подборке из Алкея и Сафы для неосуществленной антологии, составлявшейся Коршем и Ниландером. Набор ее, видимо, в отличие от набора «Алкея и Сафы» сохранился, почему именно с гранками антологии и стал работать Иванов.⁴⁹ Здесь же далее находятся: авторизованные машинописи ряда стихотворных переводов Иванова из Алкея и Сафы, которые предполагалось донабрать (л. 20—29), содержание третьего издания книги (л. 30—31) и выправленные примечания к нему (л. 36).

Но обратимся к самим архивным единицам, чтобы составить более полное представление о том, какие изменения предполагалось внести в обновляемую книгу. Текст вступительного очерка к ней подвергся в целом незначительной стилистической правке. Из интерполяций и содержательных уточнений хотелось бы обратить внимание на следующие три.

Во-первых, в более широкий контекст была включена сравнительная характеристика Алкея и Сафы (вписанные пассажи выделяются здесь курсивом; в квадратные скобки помещается зачеркнутое): «Сангвиническая страсть легко возбудимого Алкея не может мериться, по внутреннему напряжению и сосредоточенному жару, с тою страстью, которая делает эротическую лирику Сафы

⁴⁶ В общей сложности это, как и во втором издании «Алкея и Сафы», следующие четыре книги, на которые указал сам Вяч. Иванов (AC₂, С. 245—246):

Poetae lyrici Graeci. Recensuit Theodorus Bergk. Editionis quartae vol. III. Poetas melicos continens. Lipsiae, 1882;

Anthologia lyrics sive lyricorum Graecorum veterum praeter Pindarum reliquiae potiores. Post Theodorum Bergium quartum edidit Eduardus Hiller. Exemplar emendavit atque novis fragmentis auxit O. Crusius. Editio stereotypa. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1907 (стереотипное воспроизведение издания 1897 года);

Supplementum lyricum: neue Bruchstücke von Archilochus, Alcaeus, Sappho, Corinna, Pindar / Ausgewählt und erklärt von Dr. Ernst Diehl. 2. Aufl. Bonn: Marcus u. Weber, 1910. (Kleine Texte für Vorlesungen und Übungen. 33/34);

The Oxyrhynchus papyri Part X [Nos. 1224—1350]. Ed. with translations and notes by Bernard P. Grenfell and Arthur S. Hunt. With six plates. London, 1914.

Известный интерес представляет рабочий перечень книг и материалов, озаглавленный «Фрагменты А(лкея) и Сафы» (составлен во время работы над вторым изданием книги): ИРЛИ. Ф. 609. № 203. Л. 130.

⁴⁷ Панина А. Л. Архив издательства М. и С. Сабашниковых. С. 110.

⁴⁸ Скорее всего, это произошло во время боев в Москве после октябрьского переворота 1917 года, когда сгорели контора и склад издательства на Тверском бульваре; здесь хранилось большое количество готовых изданий и клише (Малыхин Н. Г., Панина А. Л. Издательство М. и С. Сабашниковых // Книга: Исследования и материалы. М., 1972. Сб. 23. С. 135).

⁴⁹ И подпись «Перевел Вяч. Иванов» (1912) в завершение подборок Алкея и Сафы (РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 5. Л. 3, 16), и расположение текста, и состав публикуемого идентичны тем, что находим в оттисках стихотворных разделов, предназначавшихся для антологии Корша и Ниландера; в описи они неверно определены как корректура книги 1914 года (РГБ. Ф. 109. Карт. 3. № 82. 5 л.). На л. 1 справа вверху штамп Типографии Т-ва «И. Н. Кушнерёв и К°» с датой: 13 ноября (1913 года). Эти корректуры в текстологическом отношении весьма важны; в них содержится, помимо прочего, перевод строки Сафы (номер 87 отсылает к антологии Хиллера и Крузиуса), до сих пор не опубликованный. Видимо, Вяч. Иванов (и не без оснований) счел его слишком вольным:

исключительно во всемирной поэзии, поскольку речь идет об изображении любовного томления и алкания; разве в „Песни Песней” можно найти такие же вздохи желаний, да в „Новой жизни” Данте такие же головокружения и обмороки влюбленности. Но — что особенно примечательно — личность Сафо, подверженная всем [таким] пароксизмам страсти, есть личность не только внутренне уравновешенная и гармоническая, благодаря необычайно стройному ритму ее духовного существа, но и во внешнем бытии глубоко последовательная, независимая, верная себе и всецело проникающему ее и ей прирожденному закону правдивости, великолепия, благочестия, простоты и свободы».⁵⁰

В своем предисловии Вяч. Иванов собирался подчеркнуть связь Алкея с античной мистикой (тема эта была намечена в примечаниях к оде XLIII в первом и втором издании книги, которое в третьем должно было быть снято), а после цитаты из утраченного послания Алкея к Меланиппу (*AC₂*. С. 21) предполагал поместить следующий абзац: «В новооткрытых текстах оксириинских папирусов находим другое послание Алкея к тому же Меланиппу и неожиданно узнаем в последнем⁵¹ мистика, — быть может, посвященного миста, — верующего в возврат умерших на землю в новых телах, проповедующего „пакирождение“ (палингенесию) душ: многозначительное свидетельство широкого распространения орфических идей уже в столь раннюю эпоху. Поэт, сам не чуждый некоторых новых представлений религиозной мысли (напр(имер), о Кроносе как владыке над обителями блаженных⁵²) усматривает⁵³ в эсoterизме своего собеседника⁵⁴ нечто запретное, несогласное с духом староотеческого благочестия. Любопытно, во всяком случае, видеть его вовлеченым, — очевидно, в мирное время и на досуге, — в прения о мирах иных, вообще столь мало родственные кругу интересов этого беспечного певца и бражника, политика и вояки. Впрочем, за кубком вина Алкей склонен погружаться в глубокое и невеселое раздумье, и тогда с уст его слетает порой мудрое и важное слово».⁵⁵

В заключение вступительного очерка должно было быть выделено значение новейших папирусных находок, существенно обогативших представление о двух эолийских лириках: «Будем же благодарны Судьбе за то, что она пощадила хотя немногое из тех доверчиво вверенных мгновению, но ставших бессмертными знаков, которые провел на давно истлевших табличках грифель Алкея, грифель Сафо.

Будем ей особенно благодарны за нечаянный подарок папирусов из египетского Оксиринха: они обогатили нашу скучную сокровищницу драгоценных остатков лесбийской мелики. Достаточно сказать, что из творений Алкея мы имеем ныне другую „Бурю“ (быть может, продолжение первой), два гимна («К Диоскурам» и «Фетида»), три новых ругательных стихотворения на Питтака, несколько характерных фрагментов и упомянутое послание к Меланиппу о судьбе душ; что же до Сафо, нам предлежат, в значительных по объему частях, уже не две только, как прежде, ее оды («К Афродите» и «Любовь»), но семь или даже восемь, кроме новых прекрасных отрывков из песен к подругам и эпифаламы, в форме небольшого послания (эпиллия), — „Свадьба Гектора и Андромахи“, — которую Виламович без очевидных оснований считает произведением не самой поэтессы,⁵⁶ но лесбийской школы.

Кругозоры Лесбоса как бы приблизились к нашему зрению; Алкей воскресает перед нами со всему изменчивостью его живого лица, — хоть и не так воскресает,

⁵⁰ РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 11.

⁵¹ Написано над: *нем.* В данном случае, как и в нескольких других, работа над текстом, по-видимому, не была завершена, ибо неясно, какому из двух вариантов (ни один из них не зачеркнут) было бы в конце концов отдано предпочтение.

⁵² Вместо первоначального варианта: *блаженных душ.*

⁵³ Написано вместо: *видит.*

⁵⁴ Написано над: *друга.*

⁵⁵ РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 12 б.

⁵⁶ Написано над: *Сафо.*

как обещал ему Меланипп; тень же великой зачинательницы гимна любви в европейской поэзии может быть [Будем ей особенно благодарны за новый подарок папирусов из Оксиринха: они умножили прежнее собрание четырьмя значительными по объему и высоко характерными стихотворениями Сапфо («На возвращение брата», «Обиженной», «Разлука» и «Аттиде»). Тень же великой может быть] утешена тем, что в отдаленных веках, наконец, ее не оскорбляют более бесчестными выдумками и что свято исполняется доныне надежда, так скромно высказанная ею некогда одной поэтической подруге:

Вспомнит со временем кто-нибудь, верь, и нас».⁵⁷

Для того, чтобы лучше проиллюстрировать структурные изменения, постигшие расположение лирических произведений, следует обратиться к перечню содержания в № 5.⁵⁸ Приведу его целиком (в целях облегчения идентификации стихотворений сделано несколько подстрочных примечаний; в квадратных скобках введена нумерация разделов; помета *(sic!)* указывает на орехи и несообразности, о которых пойдет речь далее):

СОДЕРЖАНИЕ

Алкей и Сапфо. Вступительный очерк

АЛКЕЙ

[I]. ГИМНЫ БОГАМ

I. Гимн Аполлону

II. Гимн Диоскурам

III. Фетида

[II]. ГИМНИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

IV. К Гермию

V. К Афине

VI. К Деметре (или Афине?)

VII. К Эроту

[III]. БРАНЬ И МЯТЕЖ

VIII. Буря («Пойми, кто может...»)

IX. Буря («Кидайте все добро...»)

X. Заговорщикам

XI. «На Мирсила»⁵⁹

XII. «Метит хищник царить...»

XIII. На Питтака («Всенародным судом...»)

XIV. На Питтака («Пусть же смерд, породнясь...»)

XV. На Питтака («Притонов низких...»)

XVI. На Питтака («Зевс-отец! Лидийцы...»)

XVII. К брату Антимениду

XVIII. «Прекрасна от Арея...»

XIX. «Ни грозящим кремлем...»

XX. К Меланиппу («Моим поведай...»)⁶⁰

⁵⁷ РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 15—15 а.

⁵⁸ Второе издание «Алкея и Сапфо» воспроизведено в настоящее время на нескольких авторитетных сайтах, что облегчает сравнение данного перечня с его содержанием. См.: http://www.rvb.ru/ivanov/2_lifetime/sapho/toc.htm; http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/alkej_safos_v_perevode_vjacheslava_ivanova_1914.pdf; http://imwerden.de/pdf/alkej_safos_v_perevode_vjacheslava_ivanova_1914.pdf (дата обращения: 20.10.2015).

⁵⁹ В первом и втором издании книги стихотворение не было озаглавлено. Его инципит: «Пить, пить давайте! Каждый напейся пьян!...».

⁶⁰ Ранее стихотворение цитировалось лишь в предисловии с инципитом: «Моим поведай, сам уцелел Алкей!...»; в новой редакции сделана пунктуационная поправка: «Моим поведай: сам уцелел Алкей!...».

[IV]. ВИНО И ЛЮБОВЬ

- XXI. К Сафо
 XXII. Зима
 XXIII. Зимняя Пирушка
 XXIV. Лето
 XXV. «К чему раздумьем...»
 XXVI. «Из душистых трав...»
 XXVII. «Позовите мне, други...»
 XXVIII. «Где, любимый, вино...»
 XXIX. «Вино — души людской...»
 XXX. «Первым ты насади...»
 XXXI. Комос⁶¹
 XXXII. «Черплем из кубков мы...»
 XXXIII. «Мнится, все бы нам...»
 XXXIV. Отроку

[V]. РАЗНЫЕ ОТРЫВКИ

- XXXV. «Не изжить зол...»
 XXXVI. «Тебя Хариты...»
 XXXVII. «Славься, Зевса-царя...»
 XXXVIII. «Род Нимф...»
 XXXIX. «Что за птицы? Из стран...»
 XL. «Шаражнулись, как птичья стая...»
 XLI. Пещера
 XLII. Купанье⁶²

[VI]. РАЗМЫШЛЕНИЯ И АПОФЕГМЫ

- XLIII. «Помнят в Спарте...»
 XLIV. «Бедность народ угнетает...»
 XLV. «Камня в кладке худой...»⁶³
 XLVI. «Ты был мне другом...»
 XLVII. «Кто сказал, что желал...»
 XLVIII. «Тяжкийечно висит...»
 IL. К Меланиппу («Что, Меланипп, обещает...»)
 L. «Нам судьбины богов...»
 LI. «По когтю...»

САФО

[I]. ОДЫ

- I. К Афродите
 II. и Па. Любовь
 III. На возвращение брата
 IV. Гимн Гере
 V. К Анактории
 VI. К обиженной
 VII. Разлука
 VIII. К Аттиде⁶⁴

[II]. ГИМНИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

- IX. К Лире
 X. «Не ты ль, Каллиопа...»
 XI. Призывание Муз
 XII. «Нежных Харит...»

⁶¹ Ранее без названия; инципит: «В дверь стучусь, ночной гуляка...».

⁶² Ранее без названия; инципит: «Где в простор морской пурпуровой соли...».

⁶³ Стихотворение подверглось переработке; прежний инципит: «Ты кирквой шевели...». Характеристику переработок, которым подверглись этот и другие переводы см. далее.

⁶⁴ Ранее с названием «Аттиде».

- XIII. «Ясноликих Харит...»⁶⁵
 XIV. «Из Фокеи тебе фаты...»
 XV. Моления Афродите
 XVI. «Что кличешь щедрую...»
 XVII. «Рассказала я...»⁶⁶
 XVIII. «Ты, да Эрот...»⁶⁷
 XIX. Помощница Афродиты⁶⁸
 XX. Пиршественная молитва
 XXI. Плач по Адонису
 XXII. «Стань благосклонный...»
 XXIII. «С неба сходит...»
 XXIV. «Молвят: может Ареий...»
 XXV. Рождение Елены⁶⁹
 XXVI. «С поднебесья полная...»
 XXVII. «Критянки, под гимн...»
 XXVIII. Сад Нимф

[III]. ЭРОТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

- XXIX. «Я негу люблю...»
 XXX. Красавице
 XXXI. Ожидание
 XXXII. «В сердце помысла два...»
 XXXIII. «Не дубы, налетев...»
 XXXIV. «Опять, страстью...»
 XXXV. «Мать милая! станок...»
 XXXVI. «На персях подруги...»
 XXXVII. «Что несешь, ласточка...»
 XXXVIII. «Иль кого другого...»⁷⁰
 XXXIX. «Как ребенок за матерью...»
 IL. «На кого с участем...»⁷¹
 XLI. «А его в блужданьях...»
 XLII. Свидание

[IV]. ИЗ ПЕСЕН ПОДРУГАМ

- XLIII. К подругам («Обрела я ныне...»)⁷²
 XLIV. К подругам («Мимолетна младость...»)
 XLV. К подругам («Будет день...»)
 XLVI. К Дорихе
 XLVII. К Гонгиле
 XLVIII. К Гермионе
 IL. К Дике⁷³
 L. «Мнится, нет среди дев...»
 LI. «Срок настанет: в земле...»
 LII. «Не из тех я, что век...»
 LIII. «Знать, дикарки наряд...»
 LIV. «Пестроцветный ногу...»
 LV. «Нежные некогда были...»
 LVI. «В годы былые, Аттида...» (sic!)

⁶⁵ Стихотворение кардинально переработано; прежний инципит: «Вас, Хариты, пою...».

⁶⁶ Стихотворение подверглось переработке; прежний инципит: «Рассказала я noctной...».

⁶⁷ Прежний текст моностиха: «Эрос, прекрасный служитель мой».

⁶⁸ Ранее с названием «Помощница Киприды».

⁶⁹ Стихотворение кардинально переработано и озаглавлено; прежний инципит: «Видит Леда: яйцо...».

⁷⁰ Прежний инципит: «Аль кого другого...».

⁷¹ Стихотворение подверглось переработке; прежний инципит: «На кого я взглядом...».

⁷² Ранее без названия с инципитом: «Обрела я ныне...».

⁷³ У стихотворения изменено заглавие; ранее называлось «Гимн Правде».

- LVII. «Девочкой, юным подростком...»⁷⁴
 LVIII. «Что перстеньком...» *(sic!)*
 LIX. «Да, Аттида! Ко мне...»
 LX. «Дана прекрасная мена»
 LXI. «Обо мне ты...»
 LXII. «Ученицей моей...»
 LXIII. «Гиринна, для нег...»
 LXIV. «Столь строгой ко мне...»
 LXV. «Прости же...»
 LXVI. «Сладок твой голос...»
 LXVII. «Вспомнит со временем...»
 LXVIII. «Да молчит в дому...»

[V]. РАЗНЫЕ ОТРЫВКИ

- LXIX. К Алкею
 LXX. Сватовство
 LXXI. К дочери⁷⁵
 LXXII. «По весне я...»
 LXXIII. «Земля пестреет...»
 LXXIV. «Вестник вешней поры...»
 LXXV. «Та звезда, что в небе...»
 LXXVI. «Нет ни меду...»
 LXXVII. «Волнистыми складками...»
 LXXVIII. «Многоцветных красок...»
 LXXIX. «Белизною яйца...» *(sic!)*
 LXXX. «Рос горох золотой...»
 LXXXI. «Близится Заря...»
 LXXXII. «Черным облаком Ночь...»⁷⁶
 LXXXIII. Гелла⁷⁷
 LXXXIV. «Кто прекрасен...»
 LXXXV. «Коль доблести нет...»
 LXXXVI. «Ярый ли гнев...»
 LXXXVII. «Неприступных небес...»
 LXXXVIII. «Всех чужеземных певцов...»

[VI]. ИЗ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН

- LXXXIX. «Стройте кровельку выше...»
 XC. «„Выдам”...»
 XCI. «Нет другой...»
 XCII. «Невесте радость...»
 XCIII. «К чему тебя, жених...»
 XCIV. «Добро тебе здравствовать...»
 XCV. «У придверника ноги...»
 XCVI. «Вечер, все ты сберешь...»
 XCVII. «Яблочко, сладкий налив...»
 XCVIII. «Век ли в девушках...»
 IC. «Девичий цвет!...»
 C. «Девства ль жалеть?...»
 CI. «Девичья воля...»
 CII. «Как миловидна ты...»
 CIII. Утреннее приветствие новобрачных⁷⁸

⁷⁴ Фрагмент-моностих ранее читался в переводе Вяч. Иванова: «Девочкой маленькой ты мне предстала, неловкою».

⁷⁵ Ранее с названием «Дочери».

⁷⁶ Стихотворение подверглось переработке; прежний инципит: «Ночь покровом дремы...».

⁷⁷ Ранее без названия; инципит: «Есть преданье на Лёсбосе...».

⁷⁸ Ранее с названием «Конец свадебной песни».

CIV. Брачный пир

CV. Свадьба Гектора и Андромахи

[VII]. НАДПИСИ, ПРИПИСАННЫЕ САФО

CVI. «Тело Тимады сей прах...» *(sic!)*

CVII. «Дети! вы спросите...»

CVIII. «Дар от Мениска, отца...»

[VIII]. ПОДРАЖАНИЯ САФО

CIX. «Муза, с высоты...»

CX. «Дева в томных розах...»

Примечания

Указатель текстов⁷⁹

Данный перечень содержания — результат радикальной перекомпоновки второго издания «Алкея и Сапфо», значительную часть которого составили приложения. В третьем издании наследие обоих лириков предполагалось представить более целостно, в силу чего число тематических рубрик возросло: у Алкея с четырех до шести; у Сапфо с семи до восьми.

Корпус стихов Алкея пополнился шестью новыми переводами (они публикуются в приложении к статье), а именно: VI. К Деметре (или Афине?) (*«В союз гражданий ты собрала мужей...»*); XXXVI. «Тебя Хариты чистые приняли...»; XXXVII. «Славься, Зевса-царя...»; XXXVIII. «Род Нимф...»; XLI. Пещера (*«Камня дочь и седой Пучины...»*); XLIV. «Бедность народ угнетает, нужды непосильное бремя...».

Все они почерпнуты из антологии Хиллера и Крузиуса, как следует из выпущенного указателя текстов (в нем даны следующие ссылки к источникам переведенных текстов: H-C 4^a; H-C*70; H-C 63; H-C 49; H-C 60; H-C 73).⁸⁰ Почему они не были переведены ранее, остается только догадываться.

То, что не был использован том издания оксирихских папирусов, ставший источником приложения ко второму изданию, объясняется весьма прозаическими причинами — в свое время этой книгой Вяч. Иванова ссудил для работы М. И. Ростовцев, и она к тому моменту уже была возвращена владельцу.⁸¹ В 1919 году у Иванова ее попросту не было под рукой.

Подборка стихов Сапфо была пополнена всего одним стихом, присоединенным к оде II под номером II^a:

Что же? Коль и так, все терпеть должна я...

Стих этот не был переведен заново, но был перемещен из примечаний второго издания, где ему было предпослано пояснение: «Эта ода имела, по-видимому, продолжение, начинавшееся стихом...» (AC₂. С. 240).

Исключению из третьего издания подверглось пять фрагментов Сапфо: XXIX. Брачный пир (*«Напиток в котле...»*); XVI. «В злате приспешница...»; LXVII. «Милье, где же вы?...»; LXXII. «Пир горой; и сосудов и чаш не сочтешь»; LXXXVIII. «Ночью долго сон их одержит». Лишь в одном случае причины этого решения

⁷⁹ РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 5. Л. 30—35.

⁸⁰ РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 151—152 об.

⁸¹ Книга была затребована назад письмом Ростовцева Иванову от 27 декабря 1917 года: «Услыхал, что Вы опять в Москве, и хотел просить Вас, не можете ли Вы как-нибудь, хотя бы по почте переслать мне X том Оксиринхских папирусов? Мне он сейчас очень нужен, а в Петербурге второго экземпляра ни у кого нет» (Скифский роман. М., 1997. С. 252). Книгу Ростовцеву передал Андрей Соболь, сообщивший об этом в письме к Иванову от 22 января 1918 года (Хран. В. И. Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как все вышло наоборот. СПб., 2015. С. 739).

очевидны: благодаря папирусной находке выяснилось, что фрагмент LXXVII. «Пир горой; и сосудов и чаш не сочтешь» — стих из обширного отрывка эпиграммы «Свадьба Гектора и Андромахи», полный перевод которого был предложен Ивановым уже во втором издании «Алкея и Сафо». В принадлежности трех оставшихся фрагментов Сапфо не сомневались ни Т. Бергк, ни даже позднее Э. Дильт; Вересаев перевел два из них и включил в том 10 своего Полного собрания сочинений, вышедший в свет в 1929 году.⁸²

Ряд особенностей приведенного выше перечня стихотворений убеждает в том, что он был во многом предварительным, в ходе работы над книгой он несомненно еще не раз выверялся бы, исправлялся и уточнялся. Устраниению, конечно же, подверглись бы следующие мелкие описки в инципитах стихотворений (ср. выше): LVI. «В годы былые, Аттида...» (должно быть: «В годы былые тебя, о Аттида, любила я»); LVIII. «Что перстеньком...» (должно быть: «Что ж перстеньком ты своим похваляешься?»); LXXIX. «Белизною яйца...» (должно быть: LXXIX. «Белизною — яйца белей»); CVI. «Тело Тимады сей прах...» (должно быть: CVI. «Тело Тимады — сей прах...»).

Обращение к тексту переработанной книги в № 4 убеждает еще в одной серьезной неточности — в опубликованном выше списке пропущено название одного стихотворения, по всей видимости, добавленного в состав книги несколько позднее при исправлении недосмотра: CIV. «Муж новобрачный! Свадьба...».⁸³ В силу этого номера всех последующих стихотворений в тексте подготовленного к переизданию тома оказались переправлены дважды, а общее число стихотворений возросло до ста одиннадцати. В одном случае корпус переводов из Алкея и Сапфо в № 4 содержит явно еще более поздние корректизы названия: ода CIX, озаглавленная во втором издании «К неизвестной подруге», фигурирует в перечне содержания как ода XLVIII «К Гермионе». В № 4 название сначала исправлено на «К Гермионе»; а затем — на «К прозванной Гермионой».⁸⁴

Все это убеждает, что именно расплетенный вариант второго издания «Алкея и Сафо» и правка на нем должны быть признаны наиболее авторитетным источником наших знаний о том, каким Вяч. Иванов хотел видеть третье издание своих переводов.⁸⁵ При его дальнейшем анализе хотелось бы обратить внимание в первую очередь на то, в какой мере поэт учтивал мнения, высказанные в рецензиях на первое и второе издание «Алкея и Сафо».

Попытаемся теперь хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать правку, которой были подвергнуты стихи переводов.

«Гимн Аполлону» Алкея открывал все три издания книги; уже поэту ему была уготована особая роль — он в значительной мере манифестировал ее стилистику. Полный стихотворный текст гимна не сохранился; Вячеславом Ивановым был переложен в стихи его прозаический пересказ, сделанный Гимерием. Как уже отмечалось выше, в текст своего перевода он ввел цитату из «Слова о полку Игореве» — вызывающее архаичное словосочетание «щекот славий» (и Вересаев, и Кузмин настаивали в своих рецензиях на его неуместности):

Сын отчий в небе, царь Аполлон, гряди!
Бежит по лирам трепет. И сладостней

⁸² Античная поэзия в русских переводах XVIII—XX вв.: библиографический указатель. СПб., 1998. С. 90, 92. № 2203, 2265, 2272.

⁸³ Прежний инципит: «Свадебку мы сыграли...». Автограф новой редакции вложен на отдельном листке: РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 5. Л. 30—35.

⁸⁴ РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 103 об.

⁸⁵ Неполнота текстов в гранках в № 5, отмеченная еще А. Л. Паниной, лишает их значительной доли авторитетности и наводит на мысль о том, что работа с ними только начиналась. Отиски стихов Алкея здесь перемешаны с отисками переводов из Сапфо; некоторая часть их явно утрачена: РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 5. Л. 1—19.

Зарю встречает щекот славий.
Ласточки щебет звончей. Цикада

Хмельней стрекочет, не о своей глася
Блаженной доле, но вдохновенная
От бога песен. Касталийский
Плещет родник серебром гремучим.

(AC₂. С. 34)

Перерабатывая стихотворение, Иванов отвергает неполногласный южнославянский эпитет, заменяя его восточнославянским полногласным эквивалентом — «соловьиный». Цитата, таким образом, заменена аллюзией.⁸⁶ Правка не в последнюю очередь вызвана желанием поэта устраниТЬ строфический анжамбеман:

Сын отчий в небе, царь Аполлон, гряди!
Бежит по лирам трепет. И сладостней
Зарю встречает соловьиный
Щекот; и ласточки щебет звонче.

Хмельней цикада не о своей поет
Блаженной доле, но вдохновенная
От бога песен. Касталийский
Плещет родник серебром гремучим.⁸⁷

Это, пожалуй, наиболее объемные исправления из всех в переводах из Алкея; в других случаях дело касается замены отдельных слов (оды XXIII/XXXI, XLIII/XXVIII, XLIII/IL), введения заглавий (оды XI/VIII, XLII/XLII),⁸⁸ устранения опечаток (аттическая форма «Аристодем» заменена на эолийскую «Аристодам» в оде XXVIII/XLIII).

Вяч. Иванов проигнорировал разбор Вересаевым алкеевой оды XXVII/XXXV, в котором хотя и отдавалось должное блестящей передаче восходящих иоников, но одновременно выражалось полное неприятие того, как текст Ивановым произвольно истолковывался и дополнялся: «Откуда это фаталистическое настроение, на которое в подлиннике нет даже отдаленного намека? Разве же так можно?»⁸⁹

Нельзя не пожалеть, что при переработке не были учтены указания Диля в рецензии 1916 года, в особенности те из них, что касались источников перевода, их состава, допустимости сделанных дополнений в связи с одами XXXVI/II, XXXVII/IX, XXXIX/XV, X/XIX, XIII/XXI, XVI/XXIV, XXIV/XXXII, XXVII/XXXV. В них Дильт не раз отсылал к новейшим научным публикациям, уточнявшим текст греческих стихов в изданиях, которыми пользовался Вяч. Иванов.

Что касается переводов из Сапфо, то были исправлены наиболее явные неточности, отмеченные Вересаевым. Прежде всего это относится к оде XIII/IL (B 78; H-C 77; L-P 81), первоначально озаглавленной «Гимн Правде». Как язвительно отметил Вересаев (Диль был с ним согласен), стихотворение обращено не к богине справедливости, но к подруге Сапфо, которую в другом месте та именует полным именем: Мнасидаика. Приведу весь текст этого перевода, ибо, помимо изменений в

⁸⁶ В связи с этими изменениями в новом свете предстает защита уместности именно цитаты из «Слова о полку Игореве» в переводе Иванова, предпринятая в статье: Теперик Т. Ф. Вячеслав Иванов: поэтика перевода: (На материале «Гимна к Аполлону» Алкея) // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 153.

⁸⁷ РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 12 об.

⁸⁸ Здесь и далее первый номер отсылает ко второму изданию «Алкея и Сафо», а второй — к третьему.

⁸⁹ Вестник Европы. 1915. Февр. С. 392—393; ср. также мнение Диля: «На неточности в переводе этого отрывка указал уже В. Вересаев (ук. рец., стр. 392), пожалуй, недостаточно оценивший художественные достоинства перевода и слишком резко подчеркнувший его дополнения (стихи 4 и 5, а не 4—6)» (ЖМНП. 1916. Ч. 61. С. 399).

названии и в первом стихе, продиктованных переадресацией, третья и четвертая строфы оказались кардинально переработаны. Патетическое, религиозно окрашенное обращение к богине уступило место умиленному восхищению красотой святого подругой венка:

IL
К ДИКЕ

О, Ди́ка! Вплетать
Любо тебе
Зелень живую в кудри,

И гибкие ты
Нежной рукой
Ветви кустов ломаешь.

Веселый убор —
Вешний венок, —
Мил он святым Харитам:

Чела не венчав,
Не привлечешь
Взора богинь блаженных.⁹⁰

Еще два стихотворения Вяч. Иванов правил, явно признав справедливыми указания Вересаева на произвольность и ошибочность собственных толкований греческого текста.⁹¹ Фрагменты XXXIII/XXXII и XLI/IL в результате внесенных изменений звучат более просто и естественно, а основания для упреков за привнесение в древние тексты не свойственных им настроений здесь устраниены.

Лишь в одном случае текст Сапфо из второго издания книги подвергся сокращению в издании третьем: в «Плаче по Адонису» (ода XXI/XXI) была опущена заключительная строфа. Об этом стихотворении в примечаниях ко второму изданию Вяч. Иванов писал: «„Плач по Адонису“ — также опыт реставрации путем соединения — отчасти гадательного, как в третьей строфе, — раздельно дошедших фрагментов» (AC₂, С. 240). Думается, именно обсуждение в печати достоинств и недостатков второго издания книги побудило к большей осторожности в данном случае, и поэт ограничился переводом лишь одного из фрагментов.

Отдельные оды Сапфо даже при отсутствии критических замечаний со стороны рецензентов подверглись кардинальной переработке, метра, впрочем, не затронувшей. Так было, например, в следующих трех стихотворениях, написанных большим асклепиадовым стихом (как и в других случаях, Иванов дает отдельными строками его колоны). Ода XII/XIII (B 65; H-C 67; L-P 53) читалась первоначально следующим образом:

Вас, Хариты, пою,
Девы небес!
Розы запястья вам!
(AC₂, С. 100)

Так она стала выглядеть после переработки:

Ясноликих Харит
Лилии плеч,
Розы локтей пою!⁹²

⁹⁰ РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 104; № 5. Л. 12, 14.

⁹¹ Вестник Европы. 1915. Февраль. С. 393.

⁹² РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 79 об.; № 5. Л. 10.

Ода XXIV/XXV (В 56; Н-С 65; Л-Р 166) во втором издании выглядела так:

Видит Леда: яйцо,
Снега белей,
В алых лежит цветах.

(AC₂. С. 112)

В третьем издании стихотворение получило название и было полностью пересоздано:

РОЖДЕНИЕ ЕЛЕНЫ

Молвят люди: яйцо,
Леда нашла,
Под гиацинтами.⁹³

В первой версии перевода оды XCIV/CIV (В 99; Н-С 96; Л-Р 112₁₋₂) Вяч. Иванов, по-видимому, счел со временем неуместным пренебрежительное отношение к новобрачному:

Свадебку мы сыграли,
Как, женишок, желал ты;
Девушку ты, счастливец,
Добыл, какой желал ты.

(AC₂. С. 192)

В переработанном тексте никакой иронии по отношению к молодожену не чувствуется, обращение к нему в высшей степени почтительно:

Муж новобрачный! Свадьба,
Сыграна, как желал ты;
Девушку ты, счастливец,
Добыл, какой желал ты.⁹⁴

Судя по всему, в общей сложности в трех случаях Вяч. Иванов пересмотрел свое первоначальное понимание метра переведенных им ранее фрагментов (их малый объем не дает возможности принять однозначное решение, о каком размере должна вестись речь). Записанная в одну строку реплика Афродиты во фрагменте XIX/XVIII звучит для русского уха отнюдь не как стихотворная (размер подлинника неясен: УУ – – УУ – УХ, стих дошел до нас не полностью; возможно, он подпорчен). Лишь весьма искусленный в метрике читатель увидит в переводе реплики квалитативный аналог гликонея (метрическая схема: ХХ – УУ – УХ), в котором эолийский приступ заменен на дактиль (т. е.: – УУ – УУ – УХ):

Эрос, прекрасный служитель мой.

В третьем издании число слогов возрастает в переводе с девяти до десяти (т. е. увеличивается по сравнению с оригиналом на один). Сам стих разбит на два колона, метрика которых повторяет акцентный рисунок второй половины большого асклепиадова стиха. Иванов таким образом здесь не только исправил перевод, но и одновременно заново сформулировал свою гипотезу об изначальном размере дождшего не полностью стиха:

Ты, да Эрот,
Верный служитель мой...⁹⁵

⁹³ Там же. № 4. Л. 88; № 5. Л. 11.

⁹⁴ Там же. № 4. Л. 141; № 5. Л. 12.

⁹⁵ Там же. № 4. Л. 83; № 5. Л. 12.

Сходный случай имеем с фрагментом LXXXVII/XCI (В 106; Н-С 102; L-P 113). Поначалу это одна двенадцатисложная дисметрическая строка (тем самым указывалось на затруднительность однозначного определения размера):

Другой девушки такой, зятек, не сыщешь.
(AC₂. С. 185)

Но то обстоятельство, что и Бергк, и Хиллер-Крузиус в оригинале этого стиха были склонны видеть ферекратей с двумя внутренними расширениями: дактилическим и хориямбическим (×× – √√ – √√ – – √√ – ×), видимо, побудило Вяч. Иванова дать стихотворный вариант перевода в третьем издании «Алкея и Сафо», опираясь на их схему, но сократив дактилическое расширение на один слог. В третьем издании это три колона, общее число слогов в которых возросло с двенадцати до тринадцати. Первые две строки зарифмованы:

Нет другой
Девицы такой,
Зять, досточтимый!

Фрагмент XXXVIII/XXXVII насчитывал в первой редакции перевода два стиха. Отсутствие сказуемого во фразе подчеркивает неполноту сохранившегося текста:

Что мне, ласточка, ты,
Вешняя гостья...
(AC₂. С. 129)

В третьем издании фрагмент XXXVIII/XXXVII (В 88; Н-С 86; L-P 135) должен был обрести синтаксическую законченность и быть разделен на три колона. В итоге правки число слогов в первых двух стихах увеличилось с шести до семи, а третий стих остался без изменений. Общее число слогов перевода и оригинала таким образом сравнялось:

Что несешь,
Ласточка, мне,
Вешняя гостья?

По-видимому, от внимания Вяч. Иванова ускользнуло, что отрывок почерпнут из трактата Гефестиона о древнегреческом стихосложении (на это, в частности, указывает Бергк) и что его размер — анакластический ионик. В первом варианте Вяч. Иванов перевел ферекратеем с хориямбическим расширением, а во втором — также ферекратеем, но еще и с внешним расширением (кретик). Гибкость античной метрики с ее практикой распушений и довольно широким арсеналом допустимых вольностей, конечно же, крайне затрудняет вынесение неоспоримых решений о структуре столь малых фрагментов. Просмотрев подсказку, Вяч. Иванов дважды пытался осмыслить структуру отрывка; оба варианта его перевода поэтому запечатлели две его метрические интерпретации.⁹⁶

Серьезной переработке подверглась вспомогательная часть книги. В «Указателе текстов» теперь отразилось расположение стихотворений именно третьего издания «Алкея и Сафо». В него были добавлены сведения об источниках новопереведенных стихов. При этом, отмечу в подтверждение сказанного выше, не было сделано ни одной новой ссылки на том оксиринхских папирусов по сравнению со вторым изданием книги. Из «Примечаний» были удалены пояснения к пяти одам. Снятие примечания к алкеевой оде XLIII/XLIII вызвано тем, что содержавшаяся здесь мысль «о популярности мистических (орфических) идей о пакирождении, „палин-

⁹⁶ Выражаю искреннюю признательность С. А. Завьялову за консультации в связи с метрикой этого и других рассматриваемых в статье фрагментов.

генесии”» должна была быть более подробно развита в предисловии. К основному тексту оды II/II Сапфо была присоединена строка (см. выше), которая ранее находилась в комментарии; потребность в нем поэтому отпадала. Ода XXI/XXI Сапфо, как отмечалось, была сокращена, и потому уже не нужно было указывать на то, что одна из строф была «отчасти гадательно присоединена» к другому тексту. Примечание к фрагменту LXXII во втором издании о том, что он часть новонайденного отрывка эпиталамы на свадьбу Гектора и Андромахи, тоже становилось излишним. По не совсем ясным причинам Вяч. Иванов посчитал неуместным лингвистическое пояснение к оде LI/XLV Сапфо. Добавлена в примечания была лишь одна, чисто библиографическая ссылка к уже упомянутой книге Виламовица о Сапфо и Симониде.

Подведем, наконец, некоторые итоги. Третье издание «Алкея и Сафо» готовилось в 1919 году весьма поспешно, судя по всему в связи с тем, что Сабашников выразил желание переиздать эту книгу. Тяжелые условия послереволюционного быта делали Вяч. Иванова весьма заинтересованным в любом виде литературного заработка, поэтому он не проявил обычного кункторства и взялся за работу, опираясь на книги и материалы, что имелись у него в тот момент под рукой. В результате внимательного изучения рецензии Вересаева 1916 года и собственных размышлений у него появилось немало соображений, каким должно было стать третье издание столь дорогой ему книги. Рассмотренные выше материалы дают достаточно полное представление о его замысле и убеждают в том, что редакции переводов, содержащиеся здесь, и при переиздании «Алкея и Сафо» как целого, и при воспроизведении отдельных стихотворений следует рассматривать как авторитетнейшие и в наиболее полной мере выраждающие последнюю авторскую волю. Сопоставление текстов убеждает в том, что даже коллеги Вяч. Иванова, близко знакомые с поэтом в 1910-е годы и посвященные в его переводческие замыслы (прежде всего Зелинский и Ниландер), перепечатывали его переводы со второго издания «Алкея и Сафо», не имея допуска к материалам издания третьего, хранившимся у Сабашникова.⁹⁷

В приложении к статье публикуются неизвестные переводы Вяч. Иванова из Алкея, сделанные им для третьего издания «Алкея и Сафо» (номера означают предполагавшееся расположение именно в нем). После каждого текста приведены шифры рукописей, по которым публикуются стихи; разночтений они не содержат; используются следующие сокращения: BA — беловой автограф, AM — авторизованная машинопись. Тексты подготовлены К. Ю. Лаппо-Данилевским и прокомментированы С. А. Завьяловым.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вячеслав Иванов

⟨НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ «АЛКЕЯ И САФО»⟩

АЛКЕЙ

VI

К ДЕМЕТРЕ (ИЛИ АФИНЕ?)

В союз гражданский ты собрала мужей,
Живущих порознь, междуусобный полк,

⁹⁷ О прижизненных перепечатках переводов Вяч. Иванова из Алкея и Сапфо см.: Дэвидсон П. Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898—1949. СПб., 2012. С. 120, 156—157, 159, 161, 165, 166—167, 174.

В сердца вдохнув желанье строя
И пред законом священный трепет.

Печ. по: *БА* — РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 23. Также: *AM*. Там же. № 5. Л. 22.
В 66; Н-С 4а; Л-Р 382.

Hsch. Е 5076.

Два алкеевых одиннадцатисложника.

Перевод восполняет фрагмент до полной алкеевой строфы.

Название взято из постулируемого понимания одностroчного фрагмента В 14 (Н-С 4;
Л-Р 310). Его источник: *Ap. Dysc. Pron.* 127b.

XXXVI

Тебя Хариты чистые приняли
На лоно Крона, в долы блаженные.

Печ. по: *БА* — РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 48. Также: *AM*. Там же. № 5. Л. 25.
В 62*; Н-С 70*; Л-Р 386.

Heph. 10, 3.

По указанию Гефестиона — алкеев двенадцатисложник. Его можно интерпретировать
как соединение ямбической диподии с гликонем:

— — У — — — УУ — У —

В переводе одна, экзотическая по метрике, строка оригинала превратилась в два алкеевых
одиннадцатисложника, обычно являющиеся первой половиной алкеевой строфы.

XXXVII

Славься, Зевса-царя
Семя, Аянт!
Доблестнейший
После Ахилла — ты!

Печ. по: *БА* — РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 49. Также: *AM*. Там же. № 5. Л. 25.
В 48а; Н-С 63; Л-Р 387.

Heph. 10, 7.

По Снеллю, *gl^{3c}*, т. е. гликоней с внутренним расширением из трех хориямбов:

— — — УУ — — УУ — — УУ — — УУ — У —

В переводе каждый колон выделен в отдельную строку.

XXXVIII

Род Нимф,
Молвят, из чресл
Зевса рожден,
Тучегонителя.

Печ. по: *БА* — РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 50. Также: *AM*. Там же. № 5. Л. 25.
В 85; Н-С 49; Л-Р 343.

Heph. X, 6.

По указанию Гефестиона — сапфический шестнадцатисложник. Его можно интерпрети-
ровать как *gl^{2c}*, то есть гликоней с внутренним расширением из двух хориямбов:

— — — УУ — — УУ — — УУ — — УУ — У —

В переводе каждый колон выделен в отдельную строку.

XLI ПЕЩЕРА

Камня дочь и седой Пучины,
Скала разевает с детства жадный рот,
Словно ищет сосцов родимых
И высосать хочет хляби горьких вод.

Печ. по: *БА* — РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 53. Также: *AM*. Там же. № 5. Л. 26.
В 51; Н-С 60; Л-Р 359.
Ath. III, 85f.

Размер (до конца не ясный) представляет собой сочетание гликонея и ямба. Перевод пытается его имитировать (первая и третья строки — гиппонакти, вторая и четвертая строки — сочетание эноплия с кретиком):

— У — УУ — У — У
У — УУ — У — У — У —

В подлиннике цитата разорвана пополам. Перевод пытается связать обе части в единую фразу; Афиней же указывает на нахождение первой строки (в современных изданиях — первой и второй) в начале оды Алкея, а второй (в современных изданиях — третьей и четвертой) — в ее конце. В издании Бергка приводится цитата из Афинея целиком, из которой следует, что речь идет не о пещере, а о ракушке, которая заставляет детей надувать щеки, когда они пытаются на ней играть. В издании же Хиллера-Крузиуса (восходящем к краткой версии Бергка), которым по большей части и пользовался переводчик, контексты, в составе которых сохранились фрагменты греческих лириков, не приводятся. Отсюда попытка собственной реконструкции малопонятного фрагмента.

Заголовок перевода произволен.

XLIV

Бедность народ угнетает, Нужды непосильное бремя;
С ней — Безнадежность, сестра Нищеты...

Печ. по: *БА* — РГБ. Ф. 261. Карт. 10. № 4. Л. 57. Также: *AM*. Там же. № 5. Л. 26.
В 92; Н-С 73; Л-Р 364.

Stob. IV, 32, 35.

Эолийские дактили (при передаче средствами русского языка неотличимы от обычного дактилического гексаметра).

© Е. А. Голлербах

ФЕДОР СОЛОГУБ И «ОТЕЧЕСТВО» З. И. ГРЖЕБИНА

У известного российского, советского и эмигрантского издательского деятеля Земгеля (или, иначе, Зелига, Зелика, Зелиха, Зейлика) Шиева (Шиевича, Шеевича, Ишевича, Овшиева, Овшиевича), в русифицированном варианте Зиновия Исаева (Исаевича) Гржебина (реже Гжебена, 1877—1929) было, строго говоря, два «Отечества»: иллюстрированный еженедельный журнал и одноименное книгоиздательство при нем, существовавшие в 1914—1915 годах.¹

¹ Так же см.: Голлербах Е. А. Дым «Отечества»: из истории российской «патриотической субкультуры»: петроградские журнал и книгоиздательство «Отечество» (1914—1915) // История книги и цензуры: материалы [I] международной научной конференции, посвященной памяти Арлена Викторовича Блюма (30.03.1933—04.06.2011): 29—30 мая 2012 г. СПб., 2013. С. 66—78; Динерштейн Е. А. Синяя птица Зиновия Гржебина. М., 2014. С. 139—159; [Б. п.]. От